

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С КОМПОНЕНТОМ-ОРНИТОНИМОМ В АСПЕКТЕ ИХ ОККАЗИОНАЛЬНОЙ ИЗМЕНЧИВОСТИ

И. Ю. Третьякова

Костромской государственной университет

(г. Кострома, Россия)

Аннотация. Статья посвящена вопросам окказионального преобразования фразеологических единиц в современном русском языке. Актуальность исследования обусловлена вниманием учёных к проблемам изменчивости языковых единиц в речи. Новизна работы заключается в неизученности трансформационной активности фразеологизмов различных тематических, фразеосемантических групп и полей. В одну из таких групп объединены фразеологизмы с компонентами-орнитонимами, проявляющими в условиях фразеологической связанности особенности семантики, что, в свою очередь, обуславливает специфику окказиональных изменений фразеологизма. Целью статьи является исследование трансформационной активности фразеологизмов данной группы на примере одного вида преобразований – замены компонентов. В статье рассматриваются фразеологизмы белая ворона, стреляный воробей, гусь лапчатый, мокрая курица, построенные по одинаковой синтаксической модели, но имеющие существенное различие в семантическом и образном плане. В процессе анализа преобразовательных возможностей фразеологических единиц больше внимание уделяется отражению внешних реалий во фразеологическом образе, изоморфизму значения и формы, мотивированности фразеологического значения как факторам, обуславливающим возможность трансформационных замен фразеологических компонентов. Для определения специфики трансформаций фразеологизмов с компонентом-орнитонимом целесообразным является исследование замен компонентов, происходящие как на основе парадигматических связей слов, называющих птиц, так и на основе актуализированных асистемных отношений. В результате исследования выявлена обусловленность трансформационной активности фразеологизмов степенью значимости компонента-орнитонима в формировании семантики фразеологической единицы: чем менее компонент-орнитоним значим в образовании фразеологического значения, чем менее компонент связан с характеристикой каких-либо специфических черт фразеологического образа, чем слабее фразеологическая спаянность компонентов, тем большие возможности замены этого компонента проявляются в условиях функционирования фразеологизма в речи, тем более активно проходят процессы окказиональной трансформации фразеологизма.

Ключевые слова: окказиональная фразеология, трансформации фразеологизмов, орнитонимы, трансформационная активность фразеологизма.

PHRASEOLOGICAL UNITS WITH ORNITHONYM COMPONENT IN THE CONTEXT OF OCCASIONAL VARIABILITY

I. Y. Tretyakova

Kostroma State University

(Kostroma, Russia)

Abstract. The article deals with the occasional variability of phraseological units in the modern Russian language. The research relevance arises from scholars' attention to the variability of language units in speech. The study novelty lies in insufficient knowledge about transforming the capacity of phraseological units of diverse thematic, phrase-semantic groups and fields. One of these groups combines phraseological units with ornithonym components. In the context of phraseological coherence, they display

the peculiarities of semantics, which, in turn, determines the specificity of occasional changes in the phraseological unit. The work aims to analyze the transforming capacity of phraseological units via component substitution. The article studies the phraseological units *belaya vorona* (white crow), *strelyanyy vorobey* (old bird), *gus' lapchatyy* (palmate goose (cunning fellow)), and *mokraya kuritsa* (bedraggled hen), which have the same syntactic pattern but different semantic and figurative content. While analyzing phraseological capacity, we regard reflection of outer realities in a phraseological image, isomorphism of a meaning and form, motivation of a phraseological meaning as the factors determining a possibility of transformational component substitution. To define specific features in transforming processes of phraseological units with the ornithonym component, the author studies component substitution based on paradigmatic connections and actual asystemic relations. The research results demonstrate that the transforming capacity of phraseological units depends on the relevance of the ornithonym component in forming phraseological semantics: a minor role of the ornithonym component in creating a phraseological meaning; vague connection between the one and phraseological image; weak component bonds lead to a higher possibility of component substitution and more occasional transformations to take place.

Keywords: occasional phraseology, phraseological transformations, ornithonyms, transforming potential of a phraseological unit.

В круг научных проблем современной фразеологии входят вопросы, связанные с окказиональной фразеологией. На протяжении последних десятилетий достаточно активно изучались типы и способы речевых преобразований фразеологических единиц (далее ФЕ), были составлены классификации приёмов окказионального преобразования фразеологизмов, описаны многочисленные примеры трансформации ФЕ в произведениях отечественных и зарубежных писателей и поэтов, в публицистических текстах различных жанров. Актуальными остаются исследования факторов, влияющих на трансформации фразеологизмов, – как внутренних, касающихся особенностей организации семантики и грамматической структуры устойчивых знаков, так и внешних, обусловленных «человеческим влиянием».

Научный интерес вызывают вопросы, связанные с преобразованием ФЕ, имеющих в своём составе специфические компоненты (антропонимы, зоонимы, мифологизмы, библеизмы и др.), так как трансформации фразеологизмов часто бывают обусловлены именно особенностями таких компонентов, что – в свою очередь – может влиять на активность и частотность речевой изменчивости языковых единиц.

Одну из групп таких единиц составляют ФЕ с компонентами-орнитонимами. Группа фразеологизмов, содержащих компоненты – названия птиц, в современном русском языке достаточно большая – около 100 идиом. Конечно, фразеологизмы с компонентами-орнитонимами не единожды становились объектом исследований, и в первую очередь – в лингвокультурологическом аспекте; точнее сказать, фразеологизмы с компонентами-орнитонимами в основном и изучаются в этом аспекте. Так, базовые образы птиц биоморфного культурного кода для языкового сознания русских людей представлены в Лингвокультурологическом словаре «Русское культурное пространство» [8]. Большая часть исследований национальной специфики фразеологизмов с компонентами-орнитонимами проводится в сопоставительном аспекте: выявлены особенности русских фразеологизмов в сравнении с ФЕ французскими, немецкими, испанскими и др. [4, 5 и др.] Однако из всех лингвистических работ, посвящённых птицам, хочется выделить статью замечательного фразеолога В. И. Зимины «Птицы в русской фразеологии и поэзии». В этой работе автор, оставаясь верным своему научному пристрастию – фразеологическим образам и этимологии фразеологизмов, проводит связь между реальными свойствами, характером птиц – и их воплощением во фразеологических образах. В. И. Зимин так пишет о своём замысле: «У меня несколько основных целей: рассказать кое-что интересное о птицах, показать, как наименования птицрастают в семантику фразеологизмов (тут я буду

стремиться обеспечить правильное прочтение и понимание фразеологического значения). ... Все свои выводы я буду делать на основе личных наблюдений над птицами в их естественных условиях» [3, с. 107]. Именно эта работа, где наиболее полно представлена обусловленность фразеологического значения фразеологическим образом, легла в основу настоящего исследования, посвящённого анализу окказиональных трансформаций фразеологических компонентов-орнитонимов.

Целью данного исследования является определение факторов, влияющих на трансформации фразеологизмов с компонентами-орнитонимами и обеспечивающих активность этих трансформаций, в частности – замен компонентов ФЕ.

В качестве ФЕ, подвергающихся трансформациям, представлены четыре фразеологизма, имеющих одинаковую грамматическую модель: это двухкомпонентные субстантивные сочетания слов с именными компонентами «прилагательное + существительное» – *стреляный воробей, белая ворона, лапчатый гусь, мокрая курица*; при сходстве грамматической структуры во фразеологизмах происходят одинаковые модификации, направленные на изменение именно грамматических моделей, а значит, различия в трансформациях фразеологизмов не будут касаться грамматической модели ФЕ и основное внимание будет направлено на собственно компоненты-орнитонимы. Кроме того, выбор названных ФЕ объясняется тем, что в группе фразеологизмов с компонентами-орнитонимами это одна из самых распространённых моделей.

Среди факторов, оказывающих влияние на возможность / невозможность окказиональных преобразований ФЕ, на активность / неактивность трансформационных процессов следует назвать образность фразеологизмов, мотивированность значения, изоморфизм значения и формы, символическое значение компонентов, детерминированный характер компонентов, наличие системных парадигматических связей орнитонимов.

Фразеологизмы могут подвергаться различным трансформациям: расширению компонентного состава, контаминации, двойной актуализации значения, замене компонентов и др., однако именно замена компонента-орнитонима выявляет культурную обоснованность фразеологического знака и прагматическую направленность использования фразеологизмов в том смысле, что фразеологизмы с анималистическими компонентами используются в основном для характеристики человека, его внешних и внутренних качества, оценки его поступков, привычек и др. (взгляд на мир людей «сквозь призму» мира животных).

1. Фразеологическая единица *стреляный воробей* имеет значение ‘очень опытный человек, которого трудно провести, обмануть’ [11, с. 78]; используется в случаях, когда подразумевается, что кто-либо, побывав в разных переделках и трудных ситуациях, приобрёл «горький» опыт и стал осторожен и хитёр [2, с. 674]. Фразеологический образ – при его актуализации – связан не просто с «картинкой» – образом воробья, но со «сценариями» – эпизодами, в которых по воробьям стреляют люди, так как «... в поисках пищи воробьи могут собираться в большие стаи и портить посевы, чем доставляют много хлопот земледельцам, которые стремятся отпугнуть птиц от полей, в том числе с помощью стрельбы» (см. культурологический комментарий в [2, с. 674]). Фразеологическое значение является мотивированным, внутренняя форма прозрачной: подвижность и юркость воробья, не единожды оказывавшегося в опасных для жизни ситуациях, его умение уворачиваться от пуль или других опасных предметов и легли в основу метафорической характеристики человека – тот, кто ловко умеет обойти жизненные трудности, если нужно – перехитрить, обмануть.

Особенности трансформационной активности данной ФЕ связаны с образным планом и с изоморфизмом ФЕ.

В образе воробья не актуализированы внешние либо внутренние черты, характерные именно и только для этой птицы, – значимым для образования семантики

оказывается лишь сноровка воробьёв, свойственная, что очень важно, и другим представителям пернатых.

Компонент *воробей* репрезентирует в значении фразеологизма лишь сему 'человек', тогда как на долю компонента *стреляный* приходится основной «семантический груз», и этот компонент становится не только ключевым, концентрирующим в себе почти весь смысл фразеологизма, но и максимально устойчивым, обеспечивающим деривационную связь с инвариантом при окказиональных трансформациях ФЕ. Напротив, орнитоним *воробей*, будучи семантически максимально обобщённым (воробей = человек = тот, кто), оказывается компонентом, относительно легко замещаемым окказиональными элементами при речевых модификациях фразеологизма. Круг таких окказиональных заместителей достаточно широк. Во-первых, это могут быть слова-гиперонимы, также имеющие обобщающий смысл (*птица, птаха*): «Ого, *стреляная птица!* – подумал капитан, заметив, как уверенно держится на судне пассажир» [28]. Во-вторых, заместителями становятся слова, входящие в различные тематические группы представителей животного мира (*ворон, попугай, волк, лиса, вепрь* и под.), окказиональные замены при этом обусловлены стремлением авторов либо конкретизировать ситуацию, либо буквализировать семантику ФЕ: «Я *старый, битый и стреляный ворон*. И меня смущает, что сыскуны совсем не чешутся. Здесь хоть и не столица, а приказные свою службу несут исправно» [17]. В-третьих, при экспликации семы 'человек' в компонентный состав ФЕ вводятся слова, называющие человека в самых разных его ипостасях (*мужик, женщина, президент, актёр, механик* и т.д.), что объясняется авторскими интенциями либо к экспликации элементов семантики ФЕ, либо к конкретизации значения, либо к буквализации значения: «Словом, экипирован я был как самый удачливый мужчина. И к тому же обладал необходимым для таких дел пунктиком: сторонился как невинных дев, так и *стреляных женщин*» [14]; «Российские КАМАЗы воротились из Латинской Америки. Поздравления выпали на долю победителей. Чагин – превосходный лётчик, Ильгизар Мардеев – *самый стреляный механик*. В общем, старый и малый попытались на славу!» [29].

Компонент *стреляный* при окказиональных трансформациях фразеологизма проявляет относительную устойчивость. Носители языка прочно связывают слово *стреляный* именно с фразеологической единицей: при проведении ассоциативного эксперимента на слово *стреляный* респонденты реагировали именно отзывом *воробей*. Поэтому замена компонента *стреляный* может привести к потере деривационной связи окказионального фразеологизма с языковой ФЕ, от которой он образован. Для «опознавания» фразеологизма с заменой адъективного компонента требуется специальный контекст, актуализирующий именно фразеологическое значение сочетания слов: «На меня, ребята, положитесь без сомнения, – чистя таранку, заговорил скороговоркой Белоус. – И где не припало побывать! И на Астрахани, и в море, и в Перми. Повидал я видов на вольном свете! ... Я ведь *бывалый воробей!*» [19].

Таким образом, анализ ФЕ *стреляный воробей* на предмет специфики её окказиональных преобразований позволил сделать вывод об активности трансформационных замен именно компонента *воробей*, не несущего большой семантической нагрузки, без выделения каких-либо специфических черт этой птицы во фразеологическом образе, не являющегося доминантным во фразеологизме.

2. Фразеологическая единица *белая ворона* имеет значение 'тот, кто резко отличается от окружающих, выделяется чем-либо необычным для них; непонятный, кажущийся странным, имеющий иную систему ценностей'. В основу фразеологического образа взят «портрет» вороны нетипичного – белого – окраса. Именно белый цвет оперения птицы в природе становится причиной неприятия вороны со стороны других птиц с «нормальным» чёрным пером.

Во ФЕ *белая ворона* языковые компоненты составляют внутреннюю оппозицию по линии цвета (белый – чёрный). Скорее всего, именно этим объясняется выбор

вороны в качестве носителя «неправильного» цвета: на фоне традиционно чёрных птиц максимально контрастно выделяется ворона белая. Кроме цвета никакой другой признак (внутренний или внешний), свойственный представителям этого семейства, не актуализирован. Последнее замечание играет важную роль при окказиональных трансформациях ФЕ: именно благодаря отсутствию специфических признаков, свойственных воронам (см. для сравнения ФЕ *гусь лапчатый*), компонент-орнитоним относительно легко подвергается замене. Окказиональными компонентами-заместителями становятся другие члены этой тематической группы, а также существительные-анимализмы, называющие животных, рыб, насекомых. См.: «Он помнил её совсем молодой и красивой. Она была артисткой Ильинского театра – единственной женщиной-артисткой, потому что женские роли тогда в большинстве играли мужчины. ... Пётр, наконец, понял, что мать его была *белым голубем* в стае ворон. Жила она какой-то своей жизнью, чуждой отцу, деду, детям и односельчанам» [Цит. по: 6, с. 136].

Следует заметить, что далеко не все сочетания слов с анималистическим компонентом и колоративом определяются как фразеологизмы или фразеологические трансформы: так как многие представители мира животных и птиц имеют традиционный белый окрас, то такие словосочетания, как *белый медведь*, *белый заяц*, *белый петух*, употребляются, как правило, в прямом значении и, лишь помещённые в соответствующий контекст, «опознаются» как ФЕ.

Орнитоним *ворона* репрезентирует в значении фразеологизма сему 'тот', не имеет основной семантической нагруженности, не является компонентом, обеспечивающим деривационную связь трансформов с языковым инвариантом, и этим объясняется относительная лёгкость, с которой происходят окказиональные замены компонента *ворона*.

Трансформационным заменам подвергается компонент *белый*. Колоратив *белый* репрезентирует элементы значения фразеологизма ('резко отличается от окружающих, выделяется чем-либо необычным для них'), становится ключевым компонентом ФЕ, а потому приобретает относительную устойчивость. Тем не менее, анализ текстов с функционирующими в них фразеологическими трансформами показал активность замен колоратива *белый* другими словами тематической группы «Цвет» (*красная ворона*, *жёлтая ворона*, *голубая ворона*, *синяя ворона* и др.) При этом преобразования ФЕ происходят только в специфическом контексте, актуализирующем метафорический фразеологический смысл. См., к примеру: в названии статьи «Жёлтая ворона будет пошибче белой» [16] присутствует оба фразеологизма – и языковой (*белая ворона*), и трансформированный (*желтая ворона*). Окказиональный фразеологизм *жёлтая ворона* сохраняет значение языкового, характеризуя странного и экзальтированного художника Новосибирска Сергея Кабышева. Замена же адъективного компонента *белый* на *жёлтый* объясняется в самом тексте статьи так: «Ходит по городу странный человек... Сергей Кабышев (жёлтая ворона). Любимый его цвет – жёлтый: цвет солнца, весны, радости». См. также фразеологизм *жёлтая ворона* с прозрачной мотивировкой, функционирующий в рассказе А. Зорича «Тридцать первый, жёлтая ворона»: «Вскоре на железнодорожной станции обнаружился бесхозный танк МЛЗ. Танк имел пустынный камуфляж [цвет песка в пустыне – И. Т.] и был среди других танков *белой вороной* (а точнее *жёлтой*)» [15].

Окказиональной замене могут подвергаться оба компонента языкового фразеологизма. Обязательным условием при полной замене компонентов ФЕ является присутствие в контексте языковой единицы, выполняющей функцию актуализатора речевого (окказионального) фразеологизма, без которой последний не определяется как таковой. В качестве примера см. фрагмент из произведения Л. Успенского «Записки старого петербуржца»: «Рядом со считавшими себя левыми эсэрами Изачеком и Шполянским, рядом с уже упомянутым мною Николаем Быстрым в золотом пенсне и со шкиперской трубочкой в зубах, Левин выглядел не столько *белой вороной*,

сколько, наоборот, так казать, “*черным гусем*”» [Цит. по: 6, с. 136]. В среде вышеназванных эзэров, которых Успенский характеризует как интеллигентных, умных людей, державших себя как джентльмены и уверовавших в способность России стать европейской страной, Левин, с его замашками “спекулянтского босса”, помятый, длинноносый и грязный, действительно резко отличался своими далеко не светлыми качествами личности, а во внешности и поступках скорее был схож – образно выражаясь – с гусем (ср.: ФЕ *гусь лапчатый* – ‘пройдоха, плут, хитрый, пронырливый человек’ [10, с. 136]). Следует учесть, что колоратив *чёрный* актуализирует здесь своё символическое значение, связанное со сферой отрицательного [7, с. 560]. Так в контексте очерков словосочетание *чёрный гусь*, образованное по модели языковой ФЕ *белая ворона*, приобретает окказиональное значение ‘человек, резко отличающийся от окружающих неприличным поведением, порицаемым в обществе достойных людей; имеющий иную систему ценностей’. Как видим, в данном случае замена компонента-колоратива *белый* словом *чёрный* осуществляется не только на основе цветовой оппозиции – окраса оперения птицы, но в компонентах *белый* и *чёрный* актуализируется символическая интерпретация цвета: белому – ‘чистому, благородному’ – противопоставлен *чёрный* – ‘грязный, низменный’.

Следует заметить, что далеко не всегда понятна мотивировка замены колоративов, однако устойчиво важным условием идентификации собственно фразеологизма, его семантики остаётся наличие контекстных актуализаторов. См. фрагменты стихотворения Д. Королёва «Красная ворона»: «Не люблю, когда нет дозвола! / Когда поздно и не в сезон. / Обернулась *красной вороной* / среди тысячи *белых ворон*» [7].

Многие словосочетания с колоративами не являются фразеологизмами. Так, в названии квеста «Синяя ворона» [22], сценарий которого создан по повести Радия Погода «Шаг с крыши», героиня Ворона приводит такую мотивировку собственного именованья: «Раз в сто лет я колдую. От этого и посинела», и словосочетание *синяя ворона* не воспринимается в названии квеста как фразеологическая единица.

Исследование языкового материала показало, что носители языка довольно активно используют сочетания колоративов со словом *ворона* в самых разных ситуациях и сферах жизнедеятельности. Так, название «Красная ворона» имеют кафе в Санкт-Петербурге на Дворцовой площади и наградной знак общественного признания на «Шадруновских чтениях» в городе Ломоносове; название «Синяя ворона» – магазин подарков в Эссентуках и приют в Санкт-Петербурге; «Голубая ворона» – это творческая мастерская в Санкт-Петербурге и проч. При этом связь сочетаний слов с фразеологической единицей *белая ворона* отсутствует, а значит, эти сочетания слов не являются фразеологическими трансформами.

Интересно отметить, что фразеологический компонент-орнитоним *ворона* не подвергается окказиональным заменам словами тематической группы «Человек», как это свойственно многим ФЕ с компонентами-анимализмам (см. выше ФЕ *стреляный воробей*); эта особенность объясняется наличием в языке фразеологизмов *белый человек*, *белые люди*.

Таким образом, фразеологизм *белая ворона*, образ и значение которого не связаны с яркими специфическими признаками, свойственными именно воронам, не имеющий детерминантных компонентов в своём составе, характеризуется достаточно активным преобразовательным потенциалом.

3. Фразеологизм *гусь лапчатый*, имеющий значение ‘пройдоха, плут, хитрый, пронырливый человек’, используется для негативной характеристики кого-либо, однако семантика ФЕ слабо мотивирована, мало связана с повадками, чертами внешности, нравом птицы, взятой в основу фразеологического образа. По мнению авторов историко-этимологического справочника по русской фразеологии, ассоциация с гусем-мошенником «...появилось под влиянием оборота *как с гуся вода* и была связана с представлениями, что заговорённому человеку не страшны болезни и неудачи» [1, с. 142], и, как следствие, он может позволить себе совершать неблагоприятные поступки,

плутовство и не бояться сурового наказания за них». Экскурс в этимологию позволяет увидеть особенность семантики данной единицы: фразеологизм не обладает изоморфизмом значения и формы, то есть выявляется неравномерность семантической нагруженности компонентов ФЕ. Компонент-орнитоним репрезентирует полное значение фразеологизма, тогда как компонент *лапчатый* остаётся семантически незначимым. (О специфической «привязке» к слову *гусь* негативной характеристики свидетельствует семантика просторечного шуточного фразеологического выражения *Ну и гусь!* в значении 'пройдоха, ловкач' [12, с. 128]).

Между тем, анализ окказиональных преобразований ФЕ *гусь лапчатый* позволил сделать следующие выводы. Адъектив *лапчатый* имеет большое значение при трансформациях фразеологизма, так как является важным элементом описания внешности гуся, связан с образом гуся. Именно компонент *лапчатый* становится максимально устойчивым при окказиональных заменах частей фразеологизма, он является основным средством сохранения деривационных связей трансформов с языковым инвариантом. За счёт устойчивости компонента *лапчатый* именно компонент *гусь* активно замещается другими – окказиональными – компонентами: *лапчатый народ*, *лапчатая птица*, *лебедь лапчатый*, *утка лапчатая*, *лодка лапчатая*, *штурман лапчатый*, *страж лапчатый*, *друг лапчатый*, *червь лапчатый*, *Циникус лапчатый*, *Змей-Горыныч лапчатый* и др.

Авторы текстов для замены компонента *гусь* в соответствии с разными целями выбирают разные компоненты. Замена компонента *гусь* осуществляется орнитонимами, называющими птиц, имеющих конечности, схожие с формой конечностей гуся (перепончатые лапы): *утка*, *лебедь*, а также гиперонимом *птица*. Особенностью таких замен является существенное ослабление, а подчас и полное отсутствие фразеологического значения ('пройдоха, плут, хитрый человек'), при этом происходит актуализация образного плана, а компонент *лапчатый*, не репрезентирующий элементов фразеологического смысла, характеризует форму лап, точнее – отнесённость предмета речи к отряду утиных: «Десять лет выращиваем мускусных уток. ... Хороши *утки лапчатые!*» [13]; «Вот и ходят по двору разные *птицы лапчатые*, крикают, гогочут, друг друга в угол загоняют» [13]. В подобных словосочетаниях, лишённых фразеологического смысла, адъективный компонент *лапчатый* способствует не только связи трансформа с языковым инвариантом, но и буквализации значения речевого фразеологизма.

В авторских текстах (публицистических, художественных) некоторые компоненты-заместители используются в качестве средств выразительности, получают положительную оценку: «Двигались по солнечному кругу: разрывные цепи, хоровод ... Штандр-штандр, где моя подруга? Гуси-гуси, *лапчатый народ!*» [21]; «В одну из ночей птица [гусь – И. Т.] выследила грабителей. ... Подняв невероятный гвалт, птица привлекла внимание соседей и тем самым спасла имущество хозяина. Видимо, после этого случая ...Смит решил рассчитать своих сторожей, заменив их обыкновенными гусями. ... Утверждают, что Смит доволен работой *лапчатой стражи*» [20]; «Утка – *лапчатая лодка*, только плавает неходко» [24]. Как видно, словосочетания *лапчатый народ*, *лапчатые стражи*, *лапчатая лодка* имеют иное, нежели языковой фразеологизм, значение. В словах *стража*, *лодка* актуализированы разные признаки, свойства птиц (элементы внешности, повадок, умений и проч.).

Новые – окказиональные – компоненты фразеологизма *гусь лапчатый* могут именовать героев книг, характеризующихся негативными чертами характера, совершающих скверные поступки. В названиях таких персонажей видится их связь с фразеологической семантикой, трансформы поддерживают деривационные связи с языковой ФЕ. Так, герой новогодней сказки, внешне напоминающий гуся, получил имя *Змей Горыныч лапчатый* [25]. Герой произведения И. Рахлецова [23], также крайне неприятный тип, именуется Циникусом Лапчатым (в имени прослеживается

связь со словом *циник* – ‘человек, отличающийся бестактностью, вседозволенностью, грубостью, нарушающий моральные и этические нормы поведения в обществе’).

Таким образом, относительная устойчивость компонента *лапчатый*, обусловленная выражением яркой особенности внешности гуся, способствует появлению в разных контекстах большого количества фразеологических трансформов с заменой компонента-орнитонима *гусь*.

4. Фразеологическая единица *мокрая курица* имеет значения: ‘безвольный, бесхарактерный человек’; ‘человек, имеющий жалкий вид, подавленный, расстроенный чем-либо’. Прозрачна связь значения и образа: вид курицы, попавшей под дождь, жалок и непригляден [1, с. 324], образ мокрой курицы очень точно характеризует состояние беспомощности и подавленности. Особенностью данного фразеологизма является отсутствие специфических компонентов, способных актуализировать деривационные связи при осуществлении замены языковых компонентов окказиональными, а также компонентов, актуализирующих образный план фразеологизма, характеризующих какие-либо особенности внешности, повадок птицы. Замена компонента-орнитонима *курица* другими словами-орнитонимами (*мокрый петух, мокрый воробей, мокрая ворона* и др.), словами-зоонимами (*мокрый заяц, мокрый баран, мокрый суслик* и др.), словами-антропонимами (*мокрый человек, мокрый дворник* и др.) приводит к потере деривационных связей, к невозможности интерпретировать сочетания слов как окказиональные фразеологические трансформы. Слово-сочетания являются свободными, имеют прямое значение: «Мокрая ворона по газону бродит, / что-то вроде ищет, ищет – не находит. / То листок поднимет, то бумажку сдвинет, / то конфетный фантик в сторону откинёт ...» [27]; «В городе погода – дрянь, хоть в петлю, / Новый год?... Где?... Слыхом не слыхал ... Кто в моё окно стучит капелю? / Не открою мокрым петухам!» [26]. Такой же вывод можно сделать и в отношении замен адъективного фразеологического компонента *мокрая* (*влажная курица, сухая курица* и под.). Как фразеологический трансформ будут восприниматься лишь сочетания слов, поддерживающие со своим языковым инвариантом связь – семантическую и / или образную.

Анализ ФЕ с компонентами-орнитонимами позволил сделать следующие выводы: активность замены компонента-орнитонима зависти от нескольких факторов.

1) При замене компонентов-орнитонимов происходит актуализация системных связей орнитонима, и слово-заместитель может относиться к группам (1) орнитонимов, (2) гиперонимов, (3) зоонимов, (4) анимализмов, (5) антропонимов и – редко – (6) предметов, (7) явлений.

2) Чем меньше семантическая нагрузка компонента, репрезентирующего элементы фразеологического значения, чем менее компонент связан с характеристикой каких-либо специфических черт фразеологического образа, чем слабее фразеологическая спаянность компонентов – тем чаще он подвергается окказиональным заменам. Если же компонент при репрезентации фразеологического значения является смысловой доминантой, или он доминирует при сохранении деривационных связей трансформа с его языковой базой, или он является компонентом-символом, сохраняющим связь с символическим значением, то замены такого компонента не являются частотными.

3) Устойчивые к заменам компоненты способны самостоятельно обеспечить деривационную связь трансформа с базовой языковой единицей, однако, как правило, для идентификации окказионального фразеологизма требуются внешние контекстные актуализаторы.

Список источников и литературы

1. Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб.: Фолио-Пресс, 2001. 704 с.
2. Большой фразеологический словарь русского языка: Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. 784 с.
3. Зимин В. И. Птицы в русской фразеологии и поэзии // Жизнь фразеологии – фразеология в жизни: сб. науч. ст. к юбилею проф. А. М. Мелерович. Кострома: Изд-во Костром. гос. ун-та, 2018. С. 107–127.
4. Крепкогорская Е. В. Национально-культурные особенности фразеологизмов с компонентом-орнитонимом в английском и русском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 6 (84), ч. 2. С. 359–362.
5. Кутьева М. Семантика фразеологизмов с компонентом-орнитонимом в русском и испанском языках // Docplayer: сайт.
URL: <http://docplayer.ru/29550971-Semantika-frazeologizmov-s-komponentom-orntonimom-v-russkom-i-ispanskom-yazykah-1.html> (дата обращения: 15.01.2021).
6. Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Фразеологизмы русской речи : словарь. М.: Русские словари, 1997. 864 с.
7. Полная энциклопедия символов и знаков / авт.-сост. В. В. Адамчик. Минск: Харвест, 2008. 607 с.
8. Русское культурное пространство : лингвокультурологический словарь. Вып. 1 / И. С. Брилева, Н. П. Вольская, Д. Б. Гудков и др. М.: Гнозис, 2004. 318 с.
9. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. М.: ИТИ ТЕХНОЛОГИИ, 2003. 944 с.
10. Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. В 2 т. М.: Цитадель, 1997. Т. 1. 391 с.
11. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. М.: Русский язык, 1986. 543 с.
12. Химик В. В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб.: Норинт, 2004. 768 с.
13. Мускусная утка [Электронный ресурс] // Весёлое подворье. Мой любимый загородный дом : [интернет-форум].
URL: <http://dvor.ru/forum/index.php?topic=164.4925> (дата обращения: 23.02.2021).
14. Дунаенко А. Ушла и не вернулась [Электронный ресурс] // Libking : сайт. URL: <https://libking.ru/books/love-/love-short/447940-aleksandr-dunaenko-ushla-i-ne-vernulas.html> (дата обращения: 13.03.2021).
15. Зорич В. Тридцать первый, жёлтая ворона [Электронный ресурс] // Книгавухе : сайт. URL: <https://knigavuhe.org/book/tridcat-pervuyj-zhjoltaja-vorona/> (дата обращения: 13.03.2021).
16. Кабышев С. Жёлтая ворона будет пошибче белой [Электронный ресурс] // Новая Сибирь: сайт. URL: <http://newsib.net/kultura/zheltaya-vorona-budet-poshibche-beloj.html> (дата обращения: 13.03.2021).
17. Каплан В. Последнее звено [Электронный ресурс] // Sv-scena.ru : сайт.

- URL: <http://sv-scena.ru/Buki/Poslyednyeye-zvueno.html> (дата обращения: 10.03.2021).
18. Королёв Д. Красная ворона [Электронный ресурс] // Parnasse: литературный сайт. URL: <http://parnasse.ru/poetry/lyrics/love/krasnaja-vorona.html> (дата обращения: 10.03.2021).
  19. Крюков Ф. Гулебщики (Очерк из быта стародавнего казачества). [Электронный ресурс] // Vibra.ru: Библиотека российских авторов : сайт. URL: <https://vibra.ru/composition/gulebshhiki/> (дата обращения: 13.03.2021).
  20. Лапчатый страж [Электронный ресурс] // Potka.ru : [сайт]. URL: <http://potka.ru/lapchatyj-strazh.html> (дата обращения: 13.03.2021).
  21. Остудин А. Автопилот любви. Стихотворения [Электронный ресурс] // Мегалит: евразийский журнальный портал : [офиц. сайт Южнорусского Союза Писателей]. URL: <http://www.promegalit.ru/publics.php> (дата обращения: 10.03.2021).
  22. Расев А. Синяя ворона [Электронный ресурс] // Flatik.ru : сайт. URL: <https://flatik.ru/sinyaya-vorona> (дата обращения: 11.01.2021).
  23. Рахлецов И. Циникус лапчатый, гробы, устрицы и крутая компашка [Электронный ресурс] // Литнет : сайт. URL: http://samlib.ru/i/iwan_rah/1cini-kuslapchatyjgrobustricykrutajakompashka.shtml (дата обращения: 10.03.2021).
  24. Сапгур Г. Стрекоза; Утка; Поезд [Электронный ресурс]. URL: <https://go.mail.ru/search?fm=1&rf=1011&q=утка%20лапчатая&sf=30> (дата обращения: 10.03.2021).
  25. Сказка на новый лад про петуха [Электронный ресурс] // Hellcomics : сайт. URL: <https://hellcomics.ru/skazka-na-novyi-lad-pro-petuha-dlya-detei-povogodnyaya-skazka-priklyucheniya/> (дата обращения: 15.01.2021).
  26. Соловьёв С. Мокрый петух [Электронный ресурс] // Стихи.ру: [российский литературный портал]. URL: <https://stihi.ru/2016/12/27/7352> (дата обращения: 15.01.2021).
  27. Тьдман В. Мокрая ворона по газону бродит... [Электронный ресурс] // Поэмбук : [поэтическая социальная сеть]. URL: <https://poembook.ru/поэм/27725> (дата обращения: 10.03.2021).
  28. Цыбизов В. Тайна «Соленоида» [Электронный ресурс] // Libking : сайт. URL: <https://libking.ru/books/sf-/sf/11717-vladimir-tsybizov-tayna-solenoida.html> (дата обращения: 15.01.2021).
  29. Черняев С. Победа русских КАМАЗов [Электронный ресурс] // Камаз-мастер : сайт. URL: <https://kamazmaster.ru/media/media/strategiia-beskonechnosti-ili-piat-epizodov-estafetnoi-igry-kamaz-mastera> (дата обращения: 10.03.2021).

References

1. Birikh A. K., Mokiyeenko V. M., Stepanova L. I. *Slovar' russkoy frazeologii. Istoriko-etimologicheskij spravochnik* [Dictionary of Russian phraseology. Historical and etymological reference book]. St-Petersburg, Folio-Press publ, 2001. 704 p. [in Russian].

2. Teliya V. N. (ed.) *Bol'shoy frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka: Znacheniiye. Upotrebleniye. Kul'turologicheskiy kommentariy* [The Big Phraseological Dictionary of the Russian Language: Meaning. Use. Cultural commentary]. Moscow, AST-PRESS KNIGA publ, 2006. 784 p. [in Russian].
3. Zimin V. I. Ptitsy v russkoy frazeologii i poezii [Birds in Russian phraseology and poetry]. *Zhizn' frazeologii – frazeologiya v zhizni: sb. nauch. st. k yubileyu prof. A. M. Melerovich* [The life of phraseology - phraseology in life: Collection of scientific articles for the anniversary of prof. A. M. Melerovich]. Kostroma, Izd-vo Kostrom. gos. un-ta publ, 2018. Pp. 107–127. [in Russian].
4. Krepkogorskaya Ye. V. Natsional'no-kul'turnyye osobennosti frazeologizmov s komponentom-ornitonimom v angliyskom i russkom yazykakh [National and cultural peculiarities of phraseological units with the ornithonym component in the English and Russian languages]. *Philology. Theory & Practice*. 2018. No 6 (84), P. 2. Pp. 359–362. [in Russian].
5. Kut'yeva M. Semantika frazeologizmov s komponentom-ornitonimom v russkom i ispanskoy yazykakh [Semantics of phraseological units with an ornithonym component in Russian and Spanish]. *Docplayer*. URL: <http://docplayer.ru/29550971-Semantika-frazeologizmov-s-komponentom-ornitonimom-v-russkom-i-ispanskoy-yazykakh-1.html> (accessed: 15.01.2021). [in Russian].
6. Melerovich A. M., Mokiyeenko V. M. *Frazeologizmy russkoy rechi: slovar'* [Phraseologisms of Russian speech: dictionary]. Moscow, Russkiye slovari publ, 1997. 864 p. [in Russian].
7. Adamchik V. V. (comp.) *Polnaya entsiklopediya simvolov i znakov* [Complete encyclopedia of symbols and signs]. Minsk: Kharvest publ, 2008. 607 p. [in Russian].
8. Brileva I. S., Vol'skaya N. P., Gudkov D. B. et al, *Russkoye kul'turnoye prostranstvo: lingvokul'turologicheskiy slovar'. Issue 1* [Russian cultural space: a linguoculturological dictionary. Issue 1]. Moscow: Gnozis publ, 2004. 318 p. [in Russian].
9. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow: ITI TEKHNologii publ, 2003. 944 p. [in Russian].
10. Fyodorov A. I. *Frazeologicheskiy slovar' russkogo literaturnogo yazyka* [Phraseological dictionary of the Russian literary language]. In 2 vols. Moscow, Tsitadel' publ, 1997. Vol. 1. 391 p. [in Russian].
11. Molotkov A. I. (ed.) *Frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Phraseological dictionary of the Russian language]. Moscow, Russkiy yazyk publ, 1986. 543 p. [in Russian].
12. Khimik V. V. *Bol'shoy slovar' russkoy razgovornoy ekspressivnoy rechi* [Large dictionary of Russian colloquial expressive speech]. St-Petersburg, Norint publ, 2004. 768 p. [in Russian].
13. Muskusnaya utka [Musk duck]. *Vesoloye podvor'ye. Moy lyubimyy zagorodnyy dom*: [Internet-forum]. URL: <http://dvor.ru/forum/index.php?topic=164.4925> (accessed: 23.02.2021). [in Russian].
14. Dunayenko A. *Ushla i ne vernulas'* [She left and did not return]. *Libking*. URL: <https://libking.ru/books/love-/love-short/447940-aleksandr-dunaenko-ushla-i-ne-vernulas.html> (accessed: 13.03.2021). [in Russian].

15. Zorich V. Tridtsat' pervyy, zholtaya vorona [Thirty-first, yellow crow]. *Knigavukhe*. URL: <https://knigavuhe.org/book/tridcat-pervyyj-zhjoltaja-vorona/> (accessed: 13.03.2021). [in Russian].
16. Kabyshev S. Zholtaya vorona budet poshibche beloy [The yellow crow will be a little faster than the white one]. *Novaya Sibir'*. URL: <http://newsib.net/kultura/zheltaya-vorona-budet-poshibche-beloy.html> (accessed: 13.03.2021). [in Russian].
17. Kaplan V. Posledneye zveno [The last link]. *Sv-scena.ru*. URL: <http://sv-scena.ru/Buki/Poslyednyeye-zvyeno.html> (accessed: 10.03.2021). [in Russian].
18. Korolov D. Krasnaya vorona [Red crow]. *Parnasse.ru* URL: <http://parnasse.ru/poetry/lyrics/love/krasnaya-vorona.html> (accessed: 10.03.2021). [in Russian].
19. Kryukov F. Gulebshchiki (Ocherk iz byta starodavnego kazachestva). [Gulebschik-nomad (Essay from the life of the ancient Cossacks)]. *Bibra.ru*. URL: <https://bibra.ru/composition/gulebshhiki/> (accessed: 13.03.2021). [in Russian].
20. Lapchatyy strazh [Palmated guard]. *Potka.ru*. URL: <http://potka.ru/lapchatyj-strazh.html> (accessed: 13.03.2021). [in Russian].
21. Ostudin A. Avtopilot lyubvi. Stikhotvoreniya [Autopilot of love. Poems]. *Megalit: yevraziyskiy zhurnal'nyy portal*. URL: <http://www.promegalit.ru/publics.php> (accessed: 10.03.2021). [in Russian].
22. Rasev A. Sinyaya vorona [Blue crow]. *Flatik.ru*. URL: <https://flatik.ru/sinyaya-vorona> (accessed: 11.01.2021). [in Russian].
23. Rakhletsov I. Tsinikus lapchatyy, groby, ustritsy i krutaya kompashka [Cynicus palmated, coffins, oysters and a cool company]. *Litnet*. URL: http://samlib.ru/i/iwan_rah/1cinikuslapchatyjgrobyustricyikrutajakompashka.shtml (accessed: 10.03.2021). [in Russian].
24. Sapgir G. Strekoza; Utk; Poyezd [Dragonfly; Duck; Train]. *Go.mail.ru* URL: <https://go.mail.ru/search?fm=1&rf=1011&q=utka%20lapchataya&sf=30> (accessed: 10.03.2021). [in Russian].
25. Skazka na novyy lad pro petukha [A tale in a new way about a rooster] *Hellcomics*. URL: <https://hellcomics.ru/skazka-na-novyi-lad-pro-petuha-dlya-detei-novogodnyaya-skazka-priklyucheniya/> (accessed: 15.01.2021). [in Russian].
26. Solov'yov S. Mokryy petukh [Wet rooster]. *Stikhi.ru*. URL: <https://stihi.ru/2016/12/27/7352> (accessed: 15.01.2021). [in Russian].
27. Tydman V. Mokraya vorona po gazonu brodit... [Elektronnyy resurs] // Poembuk : [poeticheskaya sotsial'naya set']. URL: <https://poembook.ru/poem/27725> (accessed: 10.03.2021). [in Russian].
28. Tsybizov V. Tayna «Solenoida» [The secret of the "Solenoid"]. *Libking*. URL: <https://libking.ru/books/sf-/sf/11717-vladimir-tsybizov-tayna-solenoida.html> (accessed: 15.01.2021). [in Russian].
29. Chernyayev S. Pobeda russkikh KAMAZov [Victory of Russian KAMAZ]. *Kamaz-master*. URL: <https://kamazmaster.ru/media/media/strategiia-beskonechnosti-ili-piat-epizodov-estafetnoi-igry-kamaz-mastera> (accessed: 10.03.2021). [in Russian].

Дата поступления статьи: 17.04.2021
Дата решения о публикации: 21.06.2021

Date of receipt of article: 17.04.2021
Date of publication decision: 21.06.2021

Сведения об авторе

Третьякова Ирина Юрьевна,
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры отечественной
филологии ФГБОУ ВО «Костромской
государственный университет»
(e-mail: trirfr@mail.ru)

Information about the Author

Tretyakova Irina Yuryevna,
Doctor of Philology, Assistant Professor,
Professor of the Chair of Russian Philology,
Kostroma State University
(e-mail: trirfr@mail.ru)